Нейросеть

Автор:
Роза Сергазиева

Нейросеть

Роза Сергазиева

Научно-фантастический мини-роман. Бригада врачей принимает роды в барокамере. После завершения процесса герои выбираются в больничный коридор и видят, что из больницы исчезли все медики и пациенты. На полу валяются белые халаты, обувь, мобильные телефоны. Больницу эвакуировали? Пожарная тревога? Не нашлось ответа на вопросы и на улице: Москва обезлюдела. Автомобили и автобусы замерли на месте. Что произошло? Неужели четверо взрослых и один младенец – всё, что осталось от человечества?

Нейросеть

Роза Сергазиева

© Роза Сергазиева, 2020

ISBN 978-5-4498-4707-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖИЗНЬ начинается с крика. Крика боли.

– ОйМамочкаОй-ё-ёйМамочкаааааАААА, – сократив предложение до одного долгого звука, выдыхала роженица, перетерпевая очередную схватку.

– Дыши, дыши ровнее. Промежутки между схватками сокращаются. Уже каждые три минуты, – успокаивала несчастную акушерка Настасья.

– Скккорро? – обливаясь потом, прорычала женщина.

– Конечно-конечно, чуть потерпеть. Мы на финишной прямой, да, доктор? – Настасья не допускающим возражения тоном потребовала подтверждения от Жукова, стоявшего по другую сторону кровати.

Олег «включил» свою самую лучезарную улыбку, чтобы у роженицы и тени сомнения не возникло, и убедительно кивнул головой. Пробежав глазами по цифрам и кривым линиям, мелькавшим на мониторе (давление, пульс), приложив к груди женщины стетоскоп (сердце билось быстро, но в пределах допустимого, главное – ровно), Жуков вышел в тесный, крошечный предбанник палаты.

Бригада родильного отделения работала в барокамере. Пациентка – из группы риска. Роды у Луизы Макаровой первые, поздние, возраст «пропущенный» – 37 лет. Перечень хронических заболеваний, в том числе проблемы с сердцем, хотя и не столь серьезные по жизни, но при ожидаемой нагрузке могли выстрелить самым нежелательным образом. Беременность протекала нестабильно, мучили приступы гипертонии, поэтому женщине рекомендовали роды в барокамере. В обогащенной кислородом атмосфере (для поддержки сердца). «Словно попали на курорт и дышите кристально чистым, вкуснейшим воздухом», – любил повторять пациенткам заведующий отделением.

Курорт-не-курорт, но в барокамере Макаровой рожать безопаснее. Жуков находился здесь шестой час, и процесс продвигался в штатном режиме, без сюрпризов.

Заверещал телефон. Олег снял трубку с аппарата, прикрепленного к стене.

– Как пациентка? – старшая медсестра Серафима Аркадьевна держала обстановку в отделении под жестким контролем.

– У нас каждые три минуты, – устало отозвался Жуков. Смена в барокамере сильно утомляла. Если в обычном роддоме врач может наведываться в родовую палату время от времени в ожидании решающего момента, то здесь находишься «от и до», выйти и прогуляться, ноги размять, голову проветрить не удастся.

– Нужен анестезиолог?

– Для эпидуральной анестезии? Думаю, нет, – Олег прислонился спиной к холодной металлической стене. И повторил: – Нет, Макарова твердо заявила, что хочет всё испытать и пережить сама.

– Её право, но на всякий случай, – решила подстраховаться Серафима Аркадьевна, – предупрежу анестезиолога, пусть находится поблизости. И не забывай, – в голосе старшей медсестры появились нотки строгой учительницы, – если передумаете, добавь время на шлюзование. Алиса на месте?

– Осталось.., – Жуков обернулся к входному люку и заглянул в окошко: в переходном отсеке, на скамейке, сложив руки на коленях и прикрыв глаза, наслаждаясь последними секундами тишины и спокойствия (вот-вот начнется сумасшедший дом), сидела неонатолог Алиса Азарова; на панели справа от люка шел обратный отсчет и горел пока красный огонек, – … меньше 15-ти минут.

– Кстати, время обеда, – напомнила заботливая Серафима Аркадьевна, – вам принести?

– Какой обед? – безнадежно отмахнулся Олег – Не успеем. Не хочется глотать впопыхах. Потом как-нибудь.

– Но хотя бы чаю? – не отставала старшая медсестра.

– Уговорили, – не стал сопротивляться Жуков, в барокамере специально поддерживалась прохладная температура, поэтому что-то согревающее не помешало бы.

– Сейчас пришлю «курьера» с термосом.

Буквально через пять минут (младший персонал побаивался Серафиму Аркадьевну и в её смену медсестры летали по коридорам с космической скоростью) в крошечном иллюминаторе мелькнула запыхавшаяся физиономия в белой шапочке. Помахав рукой, девушка открыла с наружной стороны дверцу маленького люка, положила туда пакет, защелкнула дверцу и умчалась. Олег протянул руку к лючку с внутренней стороны (его дверца открывалась только тогда, когда внешняя блокировалась – правило барокамеры), чтобы достать «посылку», но тут из-за тонкой перегородки донесся очередной крик, примечательно, что на октаву выше, и Жуков, надолго забыв про чай, ринулся в палату.

Следующие полтора часа все обитатели барокамеры трудились, не покладая рук. Поначалу Настя стояла в изголовье кровати и подсказывала Луизе, когда надо тужиться, а когда сделать передышку. Олег следил за раскрытием матки и помогал ребенку, не забывая одним глазом поглядывать на мониторы (пульс, артериальное давление). В кульминационный момент врачу в руки выскользнула долгожданная малышка.

– Поздравляю, девочка! – громко сообщил Жуков матери.

– Почему, почему молчит? – забеспокоилась, приподнимаясь на локтях, Луиза.

– Дайте ей секундочку, – подоспевшая Алиса подхватила ребенка за пяточки, нежно похлопала по попке и малышка громко завопила. – Слышите, вот как мы умеем!

– Нет, жизнь начинается с крика радости, – восхищенно произнес Жуков, любуясь сморщенным и сосредоточенным личиком новорожденной девочки.

– Что-то не так? – насторожилась Алиса, не расслышав замечание коллеги.

– Это я про себя, философствую, – успокоил Жуков неонатолога. – Рассуждаю о жизни.

Акушерка переместилась ближе к ребенку. Наложила пуповинный зажим и обрезала «трубочку», которая 9 месяцев соединяла дитя с мамой. Подхватив младенца, Настя передала девочку Луизе. Крошка пережила страшный стресс, пробивая дорогу в мир, она должна почувствовать тепло и заботу мамы, что та рядом, что по-прежнему любит и защищает её. Малышку протерли влажными салфетками от слизи и крови, обработали пуповину, измерили рост и вес. Алиса оценила состояние младенца по шкале Апгара: проверила рефлексы, подвигала ножки-ручки, послушала сердечко, легкие. Девочка «заработала» пять из пяти баллов! Тест Алиса повторила через 5 минут, потом еще через 10. Пока акушерка и неонатолог суетились с младенцем, Жуков занимался Луизой и последствиями родов. Дожидался выхода последа, накладывал швы (увы, без разрывов не обошлось),

Словом, все как всегда. Работа как работа.

– Мы справились на «отлично», – посмотрев на маму, которая баюкала на руках малышку, выдохнул, наконец, Жуков. – Наслаждайтесь друг другом.

Медики вышли из палаты в предбанник и устроились втроем на скамейке. Они заслужили передышку. Олег дотянулся до телефона.

– Серафима Аркадьевна, алло! – поспешил сообщить на главный пост Олег. – Роды завершились. Девочка здорова. Как Макарова будет готова, начнем шлюзование.

Странно, но привычно ожидаемое восклицание от Серафимы Аркадьевны «Молодцы!» не прозвучало. На другом конце провода стояла полная тишина.

– Может, отошла? – предположила, потягиваясь, Настя.

– Кто? Серафима Аркадьевна? – в один голос возмутились Олег и Алиса. Подобного ни разу на памяти Олега ни случилось. В крайнем случае, на посту оставили бы кого-то другого.

– Или связь не работает, – пожала плечами Настя.

Хотя и такой вариант звучал невероятно. Роды в барокамере относились к сложной технической процедуре, оборудование проверялось и перепроверялось техниками и инженерами. А если бы бригаде Жукова, например, понадобился анестезиолог?..

– Ладно, не станем гадать, – положил конец спорам Олег. – Все равно скоро на волю. А пока предлагаю побаловаться чайком.

Жуков открыл дверцу люка и вынул оставленный медсестрой пакет. В нем лежал термос (врач отвинтил крышку, разлил по пластиковым стаканчикам, они тоже оказались в пакете, крепкий сладкий чай – надо же, не остыл!) и три ватрушки. Медики с наслаждением принялись жевать, запивая булки ароматным напитком. Через полчаса Олег и Алиса проверили состояние Луизы и малышки. И так как всё продвигалось штатно, Жуков включил систему общей разгерметизации. Пока давление и состав атмосферного воздуха выравнивались с показателями снаружи, Луизу переодели, усадили в кресло-каталку, вручили завернутую в одеяло кроху и, как только с шипением раскрылись выходные люки, повезли через зал (барокамера находилась в подвальном помещении) к лифту. Родильное отделение располагалось на третьем этаже хирургического корпуса.

От лифта женщины повернули направо – нужно устроить Луизу и малышку в палате, а Олег направился к посту старшей медсестры. По дороге, уткнувшись носом в планшет с прикрепленным листом бумаги, доктор заполнял протокол родов пациентки Макаровой. Расписавшись, стукнув удовлетворенно ручкой по планшету, Жуков положил документ на стойку.

– Всё! Серафима Аркадьевна, моя смена завершена, – объявил он с гордостью и…

И уперся взглядом в пустое кресло. Вернее, не совсем пустое: кто-то небрежно бросил на него белый халат и очки. Модная квадратная оправа, Олег сразу узнал очки Серафимы Аркадьевны. Очки валялись на сидении, хотя обычно, если старшая медсестра их снимала, то бережно, скрестив дужки, оставляла на столе. А сейчас дужки развернуты. Но почему очки вообще оказались на кресле? И где хозяйка?

Жуков повернулся спиной к стойке. Медицинский пост находился на самом оживленном перекрестке родильного отделения. К нему сходились три

коридора. Жуков обвел взглядом каждый и не увидел… никого. Вообще никого. Ни единого человека. Ни медперсонала, ни пациенток.

– Эй! – позвал недоумевающий Жуков. И через секунду повторил громче: – Эй-эй! Кто-нибудь!

Никакого ответа. Только теперь Жуков обратил внимание, что за всё время нахождения в отделении он не услышал ни единого звука. Медик потряс головой: это невозможно. У них никогда, даже по ночам не бывает тихо. Дети рождаются, просят есть и плачут в любое время суток. По коридорам снуют люди, у стойки старшей медсестры спорят врачи, звучат объявления по громкой связи. А сейчас Жуков наблюдал абсолютно обезлюдевшее и безмолвное помещение.

И еще – коридоры выглядели подозрительно замусоренными. На полу валялись белые халаты, башмаки, мобильные телефоны. Что случилось в родильном отделении? Забастовка уборщиков? Вирусное заражение? Все срочно покинули помещение? Но как: раздевшись догола?

От абсурдности, нелогичности и необъяснимости увиденного Жукову стало не по себе. Олег тяжело задышал, голову стянуло свинцовым кольцом, в глазах замелькали черные точки, не хватало еще приступа паники. Ему нужно срочно на улицу. На свежий воздух. Именно так Жуков поступал каждый раз, заканчивая смену в барокамере: в любую погоду, ночью ли днем отправлялся подышать на улицу. После семи-восьми (а иногда и дольше) часов в замкнутом объеме, хотелось почувствовать бесконечность пространства, проветрить мозг от галлюцинаций, которые (в теории!) могли возникнуть от перепадов давления или вдыхания обогащенного кислородом воздуха. Правда, пока он подобного не испытывал, но всё когда-то случается в первый раз.

Выскочив на лестницу, врач спустился вниз. Быстро пересек фойе и распахнул дверь на улицу.

И вновь на Олега обрушилась… тишина. Неестественное состояние для московского мегаполиса. Ленинский проспект замер, словно картинка на стоп-кадре. В обе стороны по дороге до горизонта были разбросаны автомобили. Как экспонаты, застывшие на выставке! Словно неизвестный великан расставил фигурки на шахматной доске и ушел, забыв про игру. Рядом с бордюром лежал

на боку мотоцикл, у переднего колеса покачивался шлем с закрытым забралом. На остановке стоял автобус. Все три двери открыты. Только ни водителя на водительском месте, ни пассажиров в салоне. Как и ни водителей, ни пассажиров во всех автомобилях. Ни пешеходов по обе стороны проспекта, ни студентов на лавочках, ни покупателей у булочной и аптеки, ни офисных служащих в окнах башни напротив, ни курильщиков, смолящих сигареты рядом с урнами. Ни одной живой души! Зато по тротуарам ветер разносил брошенные и забытые хозяевами куртки, на остановке валялись рюкзаки, женские сумочки, туфли разных моделей и размеров, и… мобильные телефоны-телефоны-телефоны.

«Судя по всему, так жизнь заканчивается, – изрек в голове доктора бесстрастный внутренний голос, – вселенской тишиной».

2

ТИШИНА – явление хоть не материальное, абстрактное, тем не менее, обладает мощной эмоциональной силой. Тотальное безмолвие так давило на уши, что Жуков, дернувшись от нервного мышечного спазма, развернулся и заспешил в спасительную понятность больничного фойе. Разваливающийся на кусочки мозг зацепился за логическую мысль: если есть они пятеро, наверняка, в корпусе найдутся другие люди. Взбодрившись, доктор повернул к лифту. Но нажать на кнопку вызова не успел: дверцы разъехались и на медика вылетели, едва не сбив с ног, Алиса и Настя.

– Олег… Олег Анатольевич!.. Никого нет! – женщины говорили одновременно, не слыша друг друга, глаза широко распахнуты от ужаса. – Вместо Серафимы – лишь очки… Почему-то на кресле, не на столе… На полу халаты валяются, обувь… Учебная пожарная тревога?.. Угроза распространения смертельного вируса? Ввели карантин?.. А мы?.. Как же мы?.. Про нас забыли!!!

– Немедленно замолчали, – гаркнул, словно командир на плацу, Олег. Жукову тоже страшно, но не мог ведь и он причитать и жаловаться. – Сначала скажите, где Луиза с ребенком?

– В палате, обе спят, – первой взяла себя в руки Алиса.

– Хорошо, – кивнул Жуков и объявил о своем плане: – Собираюсь пройтись по всему хирургическому корпусу, проверить, вдруг где-то ещё остались люди.

– Никого, – безнадежно всхлипнула акушерка. – В операционных аппараты гудят, на столах инструменты, перевязочный материал, но ни хирургов, ни больных. В лаборатории анализаторы щелкают, продолжают обрабатывать пробы, но персонал отсутствует. Я и в кафе заглянула, пусто. На столах тарелки с едой, чашки с чаем. На полу повсюду – предметы одежды, кроссовки, сумки, именные бейджики.

– Я дошла до администрации, – Алиса тоже металась по коридорам. – Кабинеты открыты, в них никого. Может, сообщили о заложенной бомбе? Людей вывели на улицу?

Пожарные учения, карантин, угроза взрыва, эвакуация – кажется, медики перебрали полный арсенал действий при чрезвычайных ситуациях.

– На улице то же самое, – ошарашил женщин Жуков. – Остановившиеся машины, одежда, телефоны и – ноль людей.

– Что же… Что же это? – Настя, боясь закричать, прижала ладонь к губам. Последняя надежда найти спасение от неизвестности за пределами больницы растаяла в воздухе.

– Не знаю. Давайте действовать поэтапно, – Олег намеренно придал голосу уверенности. Чтобы выбраться из потока безответных вопросов, требуется больше информации. – Помогите-ка восстановить картину. Когда вы в последний раз разговаривали или видели других сотрудников?

– Где-то часа три, три с половиной назад, – сдвинув к переносице брови, сосредоточилась Азарова. – После твоего вызова я заглянула в детскую, проверила родившегося утром мальчика, попросила Серафиму Аркадьевну повторно сделать биохимию и на лифте спустилась в подвал.

– Мы с вами с 7 утра не покидали барокамеру, – напомнила Олегу акушерка, – перед тем, как пошел ребенок, вы общались с Серафимой Аркадьевной, она еще прислала ватрушки.

– Значит, сестра, доставившая к нам в люк булки и термос, приходила в районе 13-ти часов. А сейчас, – Олег поднял глаза к электронному табло над лифтом: крупно и ярко горели, сменяя друг друга в заданном ритме, цифры, – половина пятого. Получается, что до середины дня всё было в порядке, но между часом и четырьмя случилось нечто,.. нечто.., – взгляд Жукова уперся в потолочный набалдашник видеокамеры.

Видеокамеры! Они установлены по всему зданию. На фасаде у входа, в главном фойе, в больничных коридорах, на лестничных площадках, на посту дежурных медсестер, в операционных и даже в барокамере.

– В каком помещении отсматривают видеопоток? – доктор проработал в больнице больше года, но редко покидал пределы родильного отделения, разве что в кафе поднимался, если выпадало свободное время на перекус.

– На первом этаже, за гардеробом, – сообщила Настя и зашагала в противоположный конец огромного фойе, обходя разбросанные по мраморному полу «пятна» из одежды. – Помните, несколько лет назад случился скандал в подмосковном роддоме? Посторонняя женщина проникла внутрь и украла ребенка? Тогда главврач приказал проверить, насколько полно «просматривается» родильное отделение, нужно ли добавить камер. Мы с Серафимой Аркадьевной с пристрастием допросили охранников.

Центр видеонаблюдения, не смотря на полное отсутствие людей, продолжал работу: мониторы в несколько рядов друг над другом дисциплинированно передавали картинки с десятков точек, разбросанных по этажам здания. О том, что недавно здесь находился и живой оператор, напоминала черная форма охранника на кресле и два поставленных вместе ботинка под столом. Жуков откатил кресло в сторону и пододвинул к столу свободный стул.

– Нам нужно вернуться к часу дня, – Олег вывел на монитор меню, просмотрел список файлов, запись велась отдельно с каждой камеры – всего их было 35, один документ охватывал сутки. Олег пробежал по настройкам, вбил нужное время, чтобы не листать файлы с полуночи. – С какой начнем? С родильного отделения?

Олег навел курсор на выбранную иконку и нажал клавишу. Знакомый пост старшей медсестры, только вид сверху и поочередный обзор (камера двигалась

автоматически по кругу) трех коридоров. На кадре сбоку горела временная метка – 13:00. Жуков включил функцию быстрого просмотра, персонажи на экране – водоворот из людей в белых халатах по-мультяшному весело куролесил по монитору. Но вдруг экран потемнел. Вот оно! Жуков щелкнул мышкой, останавливая изображение: в углу маячили цифры 13:28. Олег обновил данные в настройках и вновь активировал просматриваемый файл, только теперь запись воспроизводилась в обычном темпе.

Каждый из трех коридоров в отделении заканчивался огромным окном. Днем уличного света вполне хватало, лампы включали к вечеру. Но, словно туча закрыла солнце: по стенам промелькнула тень. Затем на потолке появились серые пятна, которые, расплываясь, стремительно увеличивались в размерах, и в следующий миг сверху полилось-потекло сплошной стеной густое, тягучее, вязкое вещество. Оно моментально затопило коридоры. Люди даже не пытались спастись, они не успели понять, что произошло: серая гигантская масса впитала, поглотила всех.

Олег нашел запись с камеры второго этажа, где располагалось отделение пластической хирургии. Кадр открылся в заданное программой время: и сюжет повторился. Стекающая с потолка и по стенам слизь накрывает все видимое пространство. Тогда Жуков добавил файл с уличной камеры над главным входом, она захватывала отрезок проезжей части, тротуары по обеим сторонам и фасады домов напротив. Катастрофическая картина предстала перед зрителями в полном объеме. Апокалипсис начался в 13:28 по московскому времени. С неба сплошной, полупрозрачной, но плотной массой рухнуло (неземное, – как-то сразу по ходу просмотра определилось в голове Жукова) Нечто. В нем исчезли машины и пешеходы. Слизь легко, беспрепятственно просачивалась сквозь крыши и этажи. И скоро серое месиво, равномерно распределившись, затопило проспект ровным (высотой метра два) слоем. Желеобразное чудовище будто дышало: масса колыхалась, по поверхности пробегали волны, иногда толщу пробивали всполохи молний; постепенно менялся цвет, серый темнел, наливался бездонной чернотой.

– Оно… переваривает, то, что… сожрало? – процедила сквозь сжатые губы Настя.

Смотреть на этот ужас было невозможно. И Олег пустил запись быстрее. И когда в 16:07 картинка начала меняться, Жуков вновь вернулся к обычному темпу воспроизведения. Заметно увеличившаяся в объеме, почерневшая до угольной однородности масса вдруг начала подниматься, сначала, настраиваясь

и собираясь, медленно, а потом стремительно и, на недолгий момент, закрыв собой солнечный свет, убралась за пределы кадра. А на улице не осталось ни следа, ни одного пятнышка от нападения, только замершие на месте машины без водителей, автобус на остановке без пассажиров, а на тротуаре груды ничейных теперь вещей. Чудовище слизало (или правильнее сказать: растворило в себе?) с проспекта, из домов и больницы людей, «выплюнув» то, что к живой материи не относится.

– Словно саранча, – брезгливо прошептала Алиса.

– Это что же… всех? И Серафиму Аркадьевну, и хирургов и… па-цццциентов? – от стресса Настя начала заикаться. – А мы? Почему ттттогда нас не..?

– Думаю, нас спасла барокамера, – догадался Жуков, он нашел и добавил на экран изображение с камеры, установленной в подвале. – Спасибо толстенному слою стали.

Ровно в 13:28 слизь появилась и здесь. Она затопила барокамеру, и пока ни о чем не подозревающие медики занимались родами, плотная жижа сначала стекла по обшивке вниз, а в 16:07 поползла обратно.

– Спрятаться… Закрыться в барокамере… Бежать из Москвы, – бессвязно забормотала акушерка. – Родители под Рязанью…

Олег вскочил, резким движением стряхнул с кресла охапку чужих вещей и силой усадил побледневшую Настю. Схватил со стола пластиковую бутылку, налил воды в чистый стаканчик и заставил женщину сделать большой глоток.

– Хорошо бы выяснить, куда… оно переместилось? – Жуков тоже держал мысль о барокамере «про запас», но пока они еще не во всем разобрались.

– Нужно срочно предупредить других, – спохватилась Азарова. Она выбежала из комнаты и принялась перебирать строчки на экране телефона.

Врачам в барокамеру брать с собой гаджеты запрещалось, чтобы электроника не помешала работе оборудования. Как только медики возвращались обратно в отделение, тут же хватались за телефоны. Выйдя из лифта, Жуков направился

первым делом к посту медсестры, после чего стало уже не до телефона. Как и Настя, которая, устроив в палате Луизу с дочкой, выскочила в пустой коридор. Только Алиса привычно зашла в раздевалку, достала из шкафчика телефон, но дальше о его существовании тоже забыла.

Настя допила воду, перестала часто дышать. Обморок удалось предотвратить. Жуков, чтобы не спровоцировать очередной приступ паники, выключил мониторы с апокалиптическими картинками. Горел только один рабочий экран, заполненный архивными файлами.

– Полная тишина, – помахивая бесполезным телефоном, вернулась Азарова. – Прошла по всему списку контактов. Одни автоответчики.

– Но связь есть? – сделал вывод Жуков, пока не понимая, чем это им может помочь.

– Даже супер отличная, – съязвила Алиса, – четыре деления! В нашем районе большая редкость. Я и соцсети проверила: с половины второго ни одного обновления.

– То есть и интернет не отключился? – Жуков вновь подтянул к себе стул, сел и открыл на экране поисковую программу, торопливо объясняя насторожившимся женщинам: – По Москве установлены веб-камеры, которые передают изображения в реальном времени. Сейчас узнаем, что происходит в других частях города.

Олег по очереди открывал ссылки: Лужники, улица Тверская, Таганская площадь, Парк Сокольники, ВДНХ, гостиница «Украина», аэропорт Внуково.

– Добавь камеры в метро, – подсказала Алиса. – Какова обстановка там?

Жуков нашел и добавил три ссылки: станции Кольцевой линии «Арбатская», «Павелецкая», «Октябрьская». И когда «окна», долго загружаемые, наконец, практически одновременно открылись, в комнате раздался стон-всхлип. Те же замершие на месте машины без водителей, безлюдные улицы и залы аэропорта; в метро двери вагонов, остановившихся на станциях, распахнуты, но внутри ни единой души, как и на самих платформах. И лишь разбросанная повсюду одежда. Тотально неодушевленный стоп-кадр!

– В Москве вообще никого не осталось? Люди даже в метро не спаслись? – Алиса обхватила себя за плечи.

– Мы видели, как Оно просачивалось сквозь бетонные перекрытия, – Жуков постепенно стал осознавать масштабы катастрофы. – И, получается, дальше, под поверхность земли, в глубину, поглощая любой живой организм, любую живую клетку.

Алиса потянулась к мышке и стала искать адреса веб-камер в других городах мира, вспоминая столицы человеческой цивилизации: Рим, Берлин, Париж, Нью-Йорк, Сидней, Пекин, Дели, Мехико. Жуков в свою очередь выставлял в медленно открывающихся «окнах» известное им теперь точное начало Атаки – 13:28 по московскому времени. И предыдущий сюжет повторился полностью. Менялись только названия улиц, архитектура зданий и написание букв на вывесках магазинов. Все то же безбрежное, дышащее Нечто, в недрах которого растворились люди планеты Земля. В 16:07 чудовище покидало рамки экрана. Куда? Точку в поисках поставил Париж. Объективы веб-камер стандартно направлялись на дороги и тротуары, сверху вниз. А камера, установленная на Эйфелевой башне, «смотрела» частично и в облака. Именно она зафиксировала, как насытившееся чудовище гигантским толстым «покрывалом» нереально быстро поднялось в небо и исчезло.

– Оно… улетело? – очнулась на кресле Настя. – Сожрав за 2,5 часа 6 миллиардов землян? Всех-всех-всех?

– Мы выжили, – напомнил акушерке Олег. – Значит, кто-то где-то тоже мог спастись.

– И что нам теперь делать? – лицо Насти снова стало бледнеть. – Мне ужас как страааашно!

– Что делать? – эхом повторил Жуков. – Я… Я, например, хочу… есть, – обе женщины посмотрели на врача с подозрением, насколько он адекватен? Говорить о еде, когда мир провалился в тартарары? Но Олег продолжал настаивать, надеясь, что привычные человеческие действия – лучшее средство от стресса. – Мы пропустили обед, булки с чаем не в счет. Так что идем в кафе, кроме того, нужно проведать Макарову, она, наверняка, тоже проголодалась.

Медики на лифте поднялись на четвертый этаж. На кухне обнаружилась кастрюля с картофельным пюре, рядом с плитой (в момент нападения она, судя по всему, автоматически отключилась) на блюде лежали поджаренные, давно остывшие котлеты. В большой миске благоухал салат: помидоры, огурцы, зелень. Оставалось только маслом растительным заправить. Жуков выбрал столик у дальней стены (тот случай, когда сидеть у окна не хотелось никому), расчистил поверхность, Алиса добавила столовые приборы, кружки с компотом, салфетки, корзинку с хлебом. Настя разложила продукты по порциям, и, пока тарелки по очереди разогревались в микроволновке, отнесла обед (или ужин?) Луизе.

Медики ели молча и медленно. Потому что спешить на опустевшей планете больше некуда? Или оттягивали неизбежный разговор с Луизой? Кто возьмется объявить кормящей матери, что те, кого она видит рядом, это всё, что осталось от человечества?

Женщины с надеждой смотрели на Жукова. Единственного на весь белый свет мужчину! И Олегу пришлось взять роль трагического вестника на себя.

Поразительно, на рассказ Жукова (лаконичный, завуалированный, с подбором терминов, которые не должны ранить психику роженицы, доктора это умеют) о том, что случилось с миром, Луиза отреагировала… спокойно. Она настолько радовалась рождению малышки, что переживания по каким-либо другим поводам отложила «на потом». Конечно, поначалу она, мать-одиночка, нащелкав ребенка в разных ракурсах, пыталась отправить фотографии подругам, но, узнав, что адресатов, скорее всего, больше не существует, убрала телефон в ящик тумбочки.

«Вот и правильно, – согласился с поведением пациентки Жуков, укладываясь на ночлег – Настя принесла со склада чистое белье, одеяла, подушки и застелила им постели в соседних с Луизой палатах. И робко загадал желание: «Пусть утром сегодняшний кошмар окажется выдумкой, галлюцинацией, мороком. Или просто сном».

Вдруг сбудется?..

3

УТРО не задалось с самого начала. Пропало электричество: больничный генератор, имевший суточный запас мощности на случай ЧП, заглох. Застыли лифты, электроплита и микроволновка в кафе оказались бесполезными, ни чай вскипятить, ни завтрак приготовить. Больше не работали туалеты, из кранов не текла вода, ни холодная, ни горячая. Коммунальные системы мегаполиса, отлученные от электроэнергии, встали.

– Связи и интернета тоже нет, – с обидой констатировала Алиса, беспрерывно проверяющая телефон.

Медики собрались в палате Луизы, захватив стулья из коридора. С текущими проблемами удалось кое-как справиться: «умылись» с помощью влажных салфеток (у каждого в кармане белого халата хранилась упаковка), горячий завтрак заменили бутербродами, из того, что нашли в «не холодном» холодильнике и что еще не успело испортиться. Запивали водой из пластиковых бутылок.

– Электричество – основа современной жизни, – Жуков, одолев один бутерброд, потянулся за другим. – Нет тока в проводах, останавливаются насосы, вода перестает подаваться в трубы; вышки мобильной связи какое-то время продержались на генераторах, но и те отключились, всё, связь пропала.

– Свет, канализация, горячая-холодная вода, – Настя открыла пачку сухого печенья, – что сломается следующим?

И, словно в ответ на вопрос акушерки, раздался… оглушительный взрыв. По окну проползла огромная трещина. Луиза, схватив ребенка, скатилась на пол, Настя и Алиса, вскочив со стульев, прижались к стене.

– Газ! – крикнул Жуков. – Следующим по городу рванет газ!

Олег выскочил в коридор – под ногами захрустела стеклянная крошка, окно в торце вылетело вместе с рамой, этой стороне здания досталось больше всего. Жуков приподнялся на носках, чтобы заглянуть в образовавшийся проем – прямо напротив пылала крыша газораспределительной станции. Огонь,

подпитываемый газовым факелом, набирал силу и уже дотянулся до стены родильного отделения.

– Бежим, – ворвался доктор обратно в палату. – Срочно на улицу. Когда пожар доберется до кислородных баллонов в подвале, рванет главное здание.

Но женщины и сами сообразили, что пора эвакуироваться. Алиса укутала малышку в одеяло. Настя помогла одеться Луизе, которая еще нетвердо стояла на ногах. Жуков и акушерка подхватили роженицу с двух сторон и буквально вынесли на лестницу. На улице остановились у автобуса. Можно, конечно, воспользоваться и им, но Жуков никогда не водил общественный транспорт, разбираться в тонкостях управления времени нет, лучше выбрать что-то привычное. Любой вместительный седан. Чуть впереди заметил крепкий «Фольксваген» с приоткрытой дверцей, видимо, водитель, припарковавшись, как раз собирался выйти из салона. Ключ торчал в зажигании, Олег смахнул наружу вещи бывшего владельца. Мотор завелся мгновенно. Жуков позвал дожидающихся на тротуаре женщин. Луиза с дочкой на руках и Настя плюхнулись на заднее сидение, Алиса устроилась впереди. Машина вырулила в центр проспекта, устремляясь подальше от пылающей больницы.

– Смотрите, – резко взмахнула рукой Азарова, – черные столбы!

Слева и справа над некоторыми крышами взлетали языки пламени.

– Газ взрывается, – Жуков прижался к бордюру, за которым растянулось зеленое пятно скверика. – Газораспределительные станции или бытовые газовые плиты, которые были включены на кухнях в момент Атаки. Через какое-то время взрывы прекратятся, сработают заглушки. Переждем и поедем.

Проспект, прямой, как стрела, уходил далеко вперед. Жуков нашел оптимальную точку: дальше с двух сторон сплошной стеной шла жилая застройка, нешироким тротуаром отделенная от дороги. А здесь автомобилю и его пассажирам ничего не угрожает. Но как долго предстоит прятаться в тесной машине?

– Нельзя перебраться в другое место? – робко предложила Луиза, понимая, что покормить малышку она еще сможет, но скоро потребуется сменить памперс, а запасного нет.

– Хорошо бы в помещение, где можно еду приготовить, – поддержала Настя, – чтобы не питаться всухомятку.

– Желательно электрическую плиту, не газовую, – добавила Алиса, вздрагивающая при каждом звуке взрыва.

– А еще водопровод и.., – поерзала на месте Луиза, – туалет.

– Вокруг одни многоэтажки, – беспомощно пожал плечами Жуков и включил «дворники»: по крыше автомобиля торопливо застучали капли начинающегося дождя. – Нужно выбраться из города.

– До МКАДа и за несколько дней не доехать, – возразила Луиза. – Дороги заставлены машинами. Да и после Кольцевой вдоль Киевского шоссе сплошь микрорайоны из башен.

– Наверняка в округе найдутся и нежилые строения, – Алиса повернулась к Олегу. – Ты ведь где-то

Купить: https://tellnovel.com/sergazieva_roza/neyroset

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити